
УДК 94/99(470.621)
ББК 63.3(2Рос.Ады)-283.31
Б 91

Л.В. Бурыкина,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
Адыгейского государственного университета, (8772)548765, 89184282825,
E-mail: ekorchemkina@mail.ru*

Об особенностях основания и социально-экономического развития станиц Майкопского отдела Кубанской области

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается процесс военно-казачьей колонизации Северо-Западного Кавказа как основного инструмента осуществления российским правительством своей кавказской политики в условиях Кавказской войны. Автор анализирует особенности основания и социально-экономического развития Майкопского отдела Кубанской области, подчеркивая доминирование соображений военной целесообразности над экономическими выгодами месторасположения новых станиц.

Ключевые слова: Кубанская область, Майкопский отдел, Лабинская кордонная линия, адыги, казаки, станица, переселенцы, социально-экономическое развитие, русская этнографическая группа, украинская этнографическая группа.

L.V. Burykina,
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National History
Department of Adyghe State University, (8772 548765, 89184282825, E-mail:
ekorchemkina@mail.ru*

Features of the foundation and social and economic development of villages of Maikop Department in the Kuban region

Abstract. This work examines the military-Cossack colonization of the Northwest Caucasus as the basic tool of realization of the Caucasian policy by the Russian government in the conditions of the Caucasian War. The author analyzes features of the foundation and social and economic development of Maikop Department of the Kuban region, underlining domination of reasons of military expediency over economic advantages of a site of new villages.

Keywords: the Kuban region, Maikop Department, Labinsk border line, Adyghees, Cossacks, a village, immigrants, social and economic development, Russian ethnographic group, Ukrainian ethnographic group.

Военно-казачья колонизация была испытанным средством, применявшимся царским правительством при занятии и освоении новых территорий. Кавказская линия была совершенно необходимым условием для осуществления Россией своей кавказской политики. Иной вариант развития событий привел бы практически неизбежно к широким возможностям в регионе для Турции и Ирана, а значит, и для их западноевропейских покровителей.

В конце 30-х гг. XIX в. по предложению генерала Г.Х. Засса, одобренному Петербургом, было начато устройство новой Лабинской кордонной линии. Николай I торопил местные власти с ускорением создания Лабинской линии. Помимо укреплений и постов, закладывавшихся на р. Лабе и ее притоках, планировалось основать еще целый ряд казачьих станиц с тем, чтобы, по выражению императора, «стать прочною косою у подножия гор»[1].

До учреждения Лабинской линии Кубанская линия была передовой и подвергалась частым, иногда весьма опустошительным, вторжениям горцев. «С перенесением кордона на Лабу, — отмечал капитан Генштаба Забудский, — Кубанская линия сделалась безопаснее от нечаянных вторжений; уже казаки занимаются хлебопашеством без оружия и скот на ночь не загоняют в станицы»[2].

Лабинская линия к осени 1840 г. была прикрыта от адыгов укреплениями Зассовским, Махошевским и Темиргоевским. Поселенцы в новых станицах появились в мае 1841 г. Это были казаки Кавказского линейного войска, которым по жребию пришлось оставить прежние места жительства. Первые четыре станицы новой линии оказались заселенными по полковому принципу. В станице Лабинской оказались поселенными 180 семей из Кавказского казачьего полка, в станице Чамлыкской — 180 семей Ставропольского полка, в станице Вознесенской — 170 семей из Кубанского полка, и в станице Урупской были водворены 130 семей из Хоперского и 40 семей из Волгского линейных полков[3]. Кроме того, к ним были добавлены 21 офицер и казак из Терского, Моздокского, Гребенского полков и «63 дезертира, вышедших из Персии», которые равномерно были распределены по станицам [4]. Упомянутые четыре станицы положили начало образованию Лабинского полка, включенного в состав Кавказского линейного войска. Таким образом, возникла Новая линия, названная так в отличие от Старой. Далее Николай I в приказе, отданном командиру отдельного Кавказского корпуса, предписывал — «нанести как можно более чувствительное наказание абадзехам, шапсугам и натахайцам, не ограничиваясь довершением устройства возведенных на Лабе укреплений, поселений четырех станиц, предпринимая бы в видах будущего занятия линию на Белой, сильное наступательное движение к этой речке и далее за оную, вдаваясь сколь можно далее в горы»[5].

Вопрос о пополнении Кавказского линейного войска не терял своей актуальности, и кавказское начальство не упускало ни одного случая, чтобы превратить не только казенных крестьян, но и горожан в казачье звание. В 1837 г., например, когда заштатный город Александров был причислен к Хоперскому казачьему полку, то позволено было выехать в другие города только купцам православного вероисповедания, а всех других «без исключения, к какому бы состоянию они ни принадлежали, зачислить в казаки»[6]. В состав линейных казаков переводились и многочисленные семейства казенных поселян, живших в казачьих станицах и потерявших кормильцев, а также нижние чины, взятые на службу из тех селений, которые в 1832 г. были обращены в казачьи станицы[7].

Продолжалось интенсивное заселение Лабинской линии. Так, в 1843 г. в станицу Тенгинскую из Кавказского, Кубанского, Ставропольского, Хоперского полков было отправлено 875 лиц мужского пола[8]. Следует подчеркнуть, что наибольшее число переселенцев бралось из четырех вышеупомянутых полков (позднее бригад), располагавшихся на правом (кубанском) фланге Кавказской линии. Представителей этих четырех казачьих соединений можно было обнаружить во всех станицах Лабинской линии, возникших позднее.

Главным колонизационным элементом линии, следовательно, являлось линейное казачество, хотя были представлены и другие группы переселенцев. Так, с 1841 г. по 1857 г. на линии было поселено 400 семейств государственных крестьян, 1549 женатых нижних чинов, 54 дезертира[9]. Уже в 1845 г. население Лабинской линии составляло, по свидетельству атамана Кавказского линейного войска С.С.Николаева, 17449 человек[10]. Заселение линии на Лабе приобрело столь широкий размах, что с 1841 г. по 1860 г., по подсчетам Ф.А.Щербины, здесь было основано 32 станицы[11].

Жизнь казачьего населения на Лабинской линии оставалась все время напряжен-

ной. Потери во время походов против горцев были значительными. Казачья служба продолжалась от 20 до 50 лет, а фактически всю жизнь. Обычными явлениями на Северо-Западном Кавказе были эпидемии и эпизоотии. Смертность населения часто превышала рождаемость. Средняя продолжительность жизни переселенцев не превышала 26-27 лет, тогда как у французов она составляла 35 лет, у немцев - 32 года, у англичан - 38 лет[12]. Многие казаки не имели самых элементарных бытовых условий, жили в землянках. Местные власти вынуждены были выделять необходимое количество провианта для прибывших. Например, в сентябре 1860 г. казакам станицы Родниковской было выдано муки 1255 четвертей, 117 четвертей круп и пр.[13] Квартирная или постоянная повинность обременяла и без того нелегкую жизнь казаков[14].

В 60-е гг. XIX в. был начат заключительный этап военно-казачьей колонизации Закубанья. Для основания станиц в нагорной полосе Северо-Западного Кавказа потребовалось большое количество переселенцев из линейных станиц. Например, в станице Бесленевской, созданной в 1861 г., было поселено 200 казачьих семей охотников из станиц Барсуковской, Татарской и Темнолесской Ставропольской казачьей бригады[15]. Станица Севастопольская, устроенная в 1862 г., была заселена в основном казаками Кубанской и Хоперской бригад[16]. Станицу Самурскую основали в 1863 г. линейные, донские и черноморские казаки, а также крестьяне Харьковской и Полтавской губерний, которые были причислены к казакам Кубанского войска[17]. Всего за период с 1861 по 1864 гг. в Закубанье было поселено 14 396 семей, из которых 4490 семей дало линейное казачество[18].

В этническом отношении линейные казаки представляли собой достаточно разнородную смесь, но доминировала среди них великорусская культурная традиция. Определенное влияние на формирование устоев культуры оказала культура адыгов, а также старообрядчество. В целом можно говорить о

складывании в XIX в. русской этнографической группы на Северо-Западном Кавказе. Она формировалась в тесном взаимодействии с украинской этнографической группой, представленной черноморским казачеством. Этому способствовали совместная служба, общность военно-политической обстановки на Кавказе, близость славянской культуры, православное вероисповедание, смешанные браки, совместное освоение Закубанья[19].

В течение длительного времени линейное казачество постоянно пополнялось различными группами населения, главным образом, выходцами из внутренних губерний России и путем зачисления в казачье сословие казенных селений в Северо-Кавказском регионе. Линейные казаки принимали активное участие в интенсивном заселении закубанских станиц.

С 1858 г. колонизация усиливается, но не распространяется пока за территорию Лабы, как и в следующие два года. Только укрепления Майкоп, Псебай и Хамкеты, занятые одними войсками, выдвигаются вперед, к западу. Поскольку казачество являлось гарантом политической стабильности и защиты российских государственных интересов, ему предоставлялись преимущества, обеспечивающие постоянный прирост численности Кубанского казачьего войска, для поддержания высоких темпов роста которого в выделенных еще в первой половине XIX в. землях были оставлены специальные довольно значительные запасы угодий[20]. Александр II, одобряя инициативы генералов А.И.Барятинского, Д.А.Милютина, Н.И.Евдокимова по усилению темпов колонизации русским элементом закубанских земель, еще 18 июня 1858 г. замечал, что развитие русского населения должно быть «соразмерно с поземельным довольствием»[21]. Водворение новоселов в создаваемые станицы происходило в условиях беспощадной войны с адыгами. «Действительно, - писал Ф.А.Щербина, - в описываемое время не только мужчины, но и женщины, девушки и даже дети, одним словом, все население воочию видело,

как градом пуль и при потоках крови колонизировались предгорья Северного Кавказа»[22]. За главными силами русских войск тянулись бесчисленные переселенческие транспорты, которые водворялись на местах, прежде принадлежавших горцам, чтобы лишить последних возможности возвратиться обратно[23].

При этом сами горцы хорошо понимали разницу между занятием страны военной силой и истинным завоеванием ее, т. е. заселением. Они говорили: «Укрепление(крепость)- это камень, брошенный в поле: дождь и ветер снесут его; станица же- это растение, которое вбивается в землю корнями и понемногу застилает и схватывает все поле»[24].

Российское правительство, заселяя Закубанский край, не обращало внимания на удобство устройства станиц; у него были иные стратегические цели- вытеснить колонистами туземных жителей адыгских племен, условия жизни которых «все более подвергались кардинальным изменениям: массовая миграция, переселение с гор на равнины, разрушение хозяйственных связей, разделение по военным округам в рамках разных административно-территориальных образований. В этих условиях всё большую остроту приобретала проблема выживания, сохранения основ традиционного образа жизни»[25]. Переселенцев ожидали трудности, связанные с неудобным расположением станиц. Нередко отсутствовал даже колесный путь к станице, царило бездорожье. Трудно было подвести провиант, особенно в горной местности. Шоссированная дорога, проходящая через 5 перевалов, протяженностью 183 версты была построена лишь в 1898 г. Она связала Майкопский отдел Кубанской области с побережьем Черного моря [26]. Хлебопашество возможно было лишь на низменных местах, в основном в ущельях горных рек. Горные реки во время сильных дождей, выходя из берегов, уносили весь неубранный хлеб и заготовленное сено для новоселов. Из-за недостатка корма, перемены климата и диких зве-

рей наблюдался значительный падеж рогатого скота. Изнуряли переселенцев сплошные неурожаи в горной местности. Слабое питание, непривычный климат, уныние и тоска от безотрадной жизни часто вели к болезням и смерти новоселов.

Зная о таких бедствиях, некоторые из переселенцев, дойдя до предгорий, не хотели идти далее в горы, но местное начальство не церемонилось уже с такими «упорниками» и гнало их насильно в те места, которые были уже им назначены для постоянного места жительства[27].

После овладения местностью между реками Лаба и Белая войска, действовавшие за Белой, были направлены на устройство станиц по рекам Псефир, Фарс и Белая, территория которых была заселена абадзехами.

С целью окончательной колонизации всего этого пространства и перенесения ее непосредственно в горы во вновь устраиваемые Белореченскую и Фарскую пограничные линии командующий войсками Кубанской области генерал- адъютант граф Евдокимов приступил в апреле 1862 г. к занятию Даховского горского общества, имевшего исключительное стратегическое значение для всего этого горного района. Долина реки Дахо, замыкавшая с фланга Белореченскую линию, владела всеми проходами к рекам Белой и Малой Лабее, через которые постоянно совершались набеги горцев. С покорением Даховского общества колонизация предгорного пространства между реками Лаба и Белая в основном закончилась.

На этом направлении в течение 1862 г. были основаны станицы Абадзехская, Даховская, Фарская, Севастопольская, Баракаевская. В приказе по Кавказской Армии от 25 июля 1862 г. №332 отмечалось, что в нынешнем году на передовых линиях Кубанской области водворено 25 станиц[28]. Так, в Белореченской было поселено 236 семейств, Гиагинской- 200 семейств, Ханской- 234 семейства новоселов[29]. В течение 1863 г. в Закубанском крае было поселено два полка Кубанского казачьего войска: Абинский конный

и №26. В восьми станицах Абинского полка в бывшей земле шапсугов поселено 1292 семейства нижних чинов и 13 семейств офицеров[30]. В 12 станицах №26 полка в бывшей земле абадзехов водворено 1925 семейств нижних чинов и 19 офицерских семейств[31]. Так, станица Курджипская была возведена в 1863 г. в долине реки Курджипс, по правой ее стороне, в 20 верстах от штаб-квартиры Майкопа.

В том же году на р. Пшеха была основана станица Апшеронская, первые поселенцы в количестве 202 человек прибыли сюда в середине мая 1863 г. и стали занимать места у впадения р. Тухи в Пшеху. Свое название станица получила в честь Апшеронского полка, служившего на Кавказе. В Апшеронской находилась штаб-квартира 26-го конного полка, командиром которого являлся полковник А.В. Пистолькорс.

Безусловно, заслуживает внимания исследователей деятельность полковых командиров по заселению и обустройству станиц. Так, полковник Пистолькорс с 12 апреля 1863 г. по 1 октября 1864 г. отдал 25 приказов, касающихся благоустройства жителей вверенных ему 12 станиц. Он «воспрещал копать землянки», а предписывал возводить деревянные дома с большими окнами для очищения воздуха, заблаговременно запастись сеном для содержания рабочего скота, боролся против пьянства в казачьей среде, изыскивал средства для строительства станичных школ, библиотеки и др.[32].

В 1864 г. в Апшеронскую были переведены войсковой госпиталь и аптека. В 1888 г. была построена войсковая больница. К тому времени в станице находились два ступочных завода, три мельницы, маслобойный, лесопильный и кирпичный заводы, а также нефтепромыслы[33]. Первая школа была открыта в 1863 г., двухклассное казенное училище - в 1871 г., церковно-приходская школа - в 1890 г.

Станица Белореченская была водворена в 1862 г. на месте бывшей крепости, в 25 километрах к северо-западу от Майкопа. Вначале в ней проживало немногим более 200 казачьих семей.

«Переселенцы в первый год водворения своего,- писал в своем дневнике войсковой медик, обслуживавший несколько закубанских станиц,- не имея ни кваса, ни огородных овощей, питались пресной пищей, которая не только крайне однообразна, но и недостаточно питательна; так говядина составляет для них предмет редкой роскоши»[34]. К 1897 г. в станице проживало уже 3900 человек. В ней имелось общество взаимного кредита, товарищество мелкой торговли, двухклассное и одноклассное училища, две церковно-приходские школы (мужская и женская), Покровская и Успенская церкви. Действовали 3 маслобойных завода, поташные и шорные производства, две хлебопекарни, баня, борщевня и около ста торговых заведений[35].

Первым документом, свидетельствующим о водворении новой станицы на притоке Лабы — р. Гиаге, является распоряжение начальника штаба Кубанского казачьего войска, датированное 22 мая 1862 г., в котором он, обращаясь по словесному приказанию командующего войсками Кубанской области графа Евдокимова к командиру 20-го конного полка войсковому старшине Ф. Бауму, имеет «честь почтительнейше просить Ваше Высокоблагородие собрать охотников из всех бригад Кубанского казачьего войска для поселения в новой станице на реке Гиаге»[36].

12 июня последовало распоряжение собрать всех переселенцев в станице Тенгинской с тем, чтобы возвести ограды вокруг будущей станицы, этим занимались резервные сотни казаков и солдаты регулярной армии, а переселенцы занялись бы строительством жилых домов. Н.И.Евдокимов докладывал командующему Кавказской армией генерал-адъютанту князю Г.Д. Орбелиани, что намерение возвести на р. Гиаге новую станицу связано в том, что слишком велики переходы между станицей Тенгинской и Майкопом и станицами Белореченской и Ханской, особенно в зимнее время. По словам Евдокимова, он предложил казакам 1-ой Кавказской бригады,

знакомым с этой местностью, водвориться в числе 200 семей на р. Гиаге без всяких пособий от казны и войска, но со льготой от службы в продолжение 4-х лет.

Переселенцы прибыли из шести станиц правокубанья, входивших в состав земель Старой линии (Усть-Лабинский участок Кубанской кордонной линии). Общее число переселенцев, включая детей, составило 1748 человек. Среди казаков-линейцев, переселившихся на Гиагу, были казаки-великороссы (в основном донцы) и казаки-малороссы (потомки переселившихся на Кубань из Слободской Украины казаков бывшего Екатеринославского войска и крестьян-малороссов, обращенных в казаки). По свидетельству Ф.А.Щербины, в «станции можно было одинаково встретить и типичного великоросса и завязтого хохла»[37]. Среди прибывших переселенцев значительное количество составляли казаки — староверы-донцы из станицы Новопокровской.

Работы по возведению станицы проводились в ускоренном темпе. Уже в октябре 1862 г. в отчете 25-го конного полка, в составе которого находилась станица, сообщалось, что выстроено 200 домов. В отчете на 1 января 1863 г. уже говорилось, что в станице 202 дома, есть станичное правление и сотенная канцелярия. А еще через год отмечается, что в ст. Гиагинской проживает 1778 человек, в том числе 11 иногородних[38]. В станице разрешено было поселиться и четырем семьям государственных крестьян Екатеринославской губернии[39].

В 1864 г. в ст. Гиагинской была открыта станичная школа, в 1872 г. — почтовый тракт между Майкопом и Усть-Лабинской станицей, включавший на пути пять почтовых станций: г. Майкоп — ст. Келермеская — ст. Гиагинская — ст. Грязнухинская — ст. Тенгинская — ст. Новолабинская — ст. Усть-Лабинская. На всех пяти почтовых станциях было по пять троек почтовых лошадей[40]. В станице к 1876 г. действовали две церкви — Михаила — Архангела и Вознесенская. С учетом заметного числа в станице казаков-староверов в 1892 г. была

построена единоверческая церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Возникшая как чисто казачье поселение, станица Гиагинская приняла со временем в число своих жителей значительное количество иногороднего населения. В 1897 г. в станице проживало 4774 представителя казачьего сословия, 4891 человек постоянно проживающих иногородних и 3 231 человек временно проживающих иногородних[41].

Хозяйство станицы Гиагинской развивалось достаточно динамично. Наряду с Белореченской и Келермеской Гиагинская входила в число наиболее богатых станиц Майкопского отдела, нагорные станицы которого в большинстве своем были бедны и малоземельны. В сфере сельского хозяйства основным видом деятельности гиагинцев было хлебопашество. Кроме этого, важное место занимали овощные культуры, плодовые, картофель. Для собственных нужд выращивались также и бахчевые культуры. Было развито скотоводство и пчеловодство. В станице функционировали торгово-промышленные и кустарно-промысловые заведения. Ежегодно в станице проводились торговые ярмарки.

Весной 1863 г. войсками Даховского отряда под командованием генерал-майора В.А. Геймана была основана станица Прусская, названная в честь брата прусского короля принца Альберта, принявшего участие в военных действиях в Закубанье. Земли, годной к пахоте, имелось здесь мало, кроме того, случались оползни. После безуспешных попыток заняться хлебопашеством, постоянных неурожаев станичники занялись в основном вывозом и продажей леса. «Все взрослые жители Прусской (234 мужчины и 200 женщин) занимаются рубкой леса в своей лесной даче и распродажей такового по разным станицам Кубанской области, — писал в 1889 г. учитель П. Кривунов. — Распродажа леса производится каждым домохозяином отдельно... В одну поездку для продажи леса житель станицы может заработать до 24 рублей, затратив на нее 12 рабочих дней. Распродажа леса начинается с апреля

и продолжается до октября или ноября, смотря по погоде; в продолжение этого времени каждый хозяин может сделать от 8 до 12 поездок и заработать таким образом 200-300 рублей»[42].

Занимались казаки и сбором диких фруктов, которых росло очень много вокруг станицы. С дикими грушами ездили через Курджипскую на рынок в Майкоп. В 1889 г. в станице проживало 502 человека. Был молитвенный дом, построенный в 1865 г., лавка и питейное заведение. Оживлению жизни способствовало соседство с нефтяными промыслами в юрте станицы Ширванской[43]. В 1893 г. была возведена деревянная Успенская церковь и открыто одноклассное министерское училище.

Станицы Тульская, Ханская, Царская были водворены при общей колонизации Северо-Западного Кавказа в 1862 г. В 1889 г. в Тульской проживало 1379 человек. По свидетельству учителя П.Покровского, в станице было развито колесное и бондарное производство, две лавки, три питейных заведения, три мельницы. «Колесники работают круглый год без перерыва, но зимою занимаются более заготовкой материала и гнутьем ободьев к летнему времени», а бондари посуду свою сбывают в ближайшем городе или ярмарках окрестных станиц..., средний годовой заработок каждого бондаря до 150 руб.[44]. В Ханской, согласно данным учителя Д. Хаустова, в 1889 г. проживало 4203 человека[45]. Население станицы в основном занималось земледелием. Кроме посевов хлеба, жители имели фруктовые сады, виноградники, табачные плантации, огороды. Наряду с земледелием существовали также кустарное и ремесленное производство. В станице находилось две церкви (Покровская и Единоверческая Спасо-Преображенская) и два прихода[46]. В станице Царской насчитывалось 468 дворов. Казаки здесь, как и в станице Хамкетинской, «еще не втянулись в земледельческий труд и пользуются тем, что дает им богатая природа, хлеб для себя приобретают через обмен на яблоки и груши, которы-

ми избилуют леса; одежду и нужное в дом приобретают за свезенный на базар лес, рубить который можно сколько угодно»[47].

За период с 1861 по 1864 гг. включительно в Закубанском крае было водворено 14396 семейств переселенцев разного звания[48]. За короткое время здесь было основано 111 новых станиц[49]. Значительное число из них в дальнейшем вошли в состав Майкопского отдела (уезда) Кубанской области.

По указу от 30 декабря 1869 г. «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» Кубанская область разделялась на пять уездов: Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Темрюкский и Майкопский. 27 января 1876 г. в Кубанской области было учреждено два новых уезда: Закубанский и Кавказский. В «Списке населенных мест Майкопского уезда Кубанской области, основанных в разные годы (по данным 1873 г.)», значилось 66 поселений, из них 55 казачьих станиц[50]. Всего с 1861 по 1865 гг. в Закубанский край было переселено до 16000 семейств[51], то есть почти столько, сколько требовалось «Положением о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта Кубанскими казаками и другими переселенцами из России» (17000 семейств). В 1888 г., согласно «Учреждению управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа», вместо семи уездов в Кубанской области учреждалось семь отделов, в том числе и Майкопский отдел[52].

Таким образом, основание станиц Майкопского отдела Кубанской области происходило в тесной взаимосвязи с военной целесообразностью. И с этой точки зрения закубанская станица рассматривалась командованием, прежде всего, как опорный стратегический пункт, обеспечивавший контроль на важных военных направлениях. Многие из станиц, такие как Белореченская, Новодмитровская, Абинская, Хамкетинская и др, возникали на местах или поблизости возведенных ранее укреплений и постов. Другие имели совершенно новое месторасположение,

сообразно планам и ходу развития военных действий. При этом зачастую экономические выгоды месторасположения новых станиц практически не брались в расчет. В наибольшей степени это оказалось заметным для станиц, водворенных в горной части Северо-Западного Кавказа. Впоследствии 13 горных станиц (Мингрельскую, Навагинскую, Псеменскую, Сохрайскую, Хребтовую и др.) пришлось упразднить именно по этим причинам[53].

Состав переселенцев полностью соответствовал обстановке того времени. Казаки и другие военно-служивые элементы составляли подавляющее большинство. Так, из общего числа переселенцев 58,9% приходилось на долю кубанских казаков, 25,3% — на долю казаков из других войск и отставных

солдат, и лишь 15,8% составляли государственные крестьяне и представители других сословий.

С занятием западных предгорий Кавказа закончилась собственно военно-казацкая колонизация региона. Значительная часть адыгов вынуждена была переселиться в Османскую империю, оставшаяся их часть была в основном переселена с предгорий на равнину ближе к р. Кубань. Казаки прочно укрепились в Закубанье, охватив всю Кубанскую область обширной сетью своих станиц. Дальнейшее расселение казачества по Кубанской области являлось уже главным образом результатом внутренних миграционных процессов, дополненных мощным притоком иногороднего населения из внутренних районов Российской империи.

Примечания:

1. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1884. Т. 9. С. 399.
2. Военно-стратегическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. СПб., 1851. Т. 16, Ч. 1. С. 108.
3. Орлов П. Памятка кубанского казака. Екатеринодар, 1914. С. 26.
4. Колесников В.А. Линейные казаки в заселении Закубанья (40-е-60-е гг. XIX в.) // Кубанское казачество: три века исторического пути: материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 1996. С. 114.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 6380. Лл. 117 об., 118.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 1. Д. 135. Л. 1.
7. Там же. Д. 157. Лл. 19, 20.
8. Там же. Д. 161. Л. 23.
9. Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII-первой половине XIX вв. Пятигорск, 1967. С. 28.
10. РГВИА. Ф. 14 257. Оп. 3. Д. 214. Л. 15.
11. Щербина Ф.А. Колонизация Кубанской области // Киевская старина. Киев, 1883. Т. 7, №12. С. 538.
12. Стефанов Т. Город Ейск. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 250.
13. ГАКК. Ф. 257. Оп. 1. Д. 30. Л. 50.
14. Там же. Д. 29. Л. 171.
15. Близников П. Станица Бесленевская Кубанской области Майкопского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1888. Вып. 6. С. 133.
16. Шапошников К. Севастопольская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 111.
17. Кобеляцкий В. Станица Самурская Кубанской области Майкопского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1888. Вып. 6. С. 99.
18. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 76.
19. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в середине XVI — начале XX века (динамика этнокультурных процессов): дис. д-ра ист. наук в форме науч. докл. М., 1996. С. 70.

-
20. Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927. С. 22.
  21. РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 5252. Лл. 2, 14.
  22. Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг. Сборник кратких сведений о войске. Воронеж, 1888. С. 224.
  23. Бешенев Н. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны: издание для войск, школ, народа. Тифлис, 1914. С. 7.
  24. Земля адыгов / под ред. А.Х. Шеуджена. Майкоп, 1996. С. 239.
  25. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп, 2010. С. 130-131.
  26. Федосеева Л.Д. Роль путей сообщения в развитии торговли Северо-Западного Кавказа в конце XIX в. // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. Майкоп, 2003. Вып. 6-7. С. 172.
  27. АКАК. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 1005.
  28. Бентковский И.В. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 75.
  29. Кияшко И.И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1909. Т. 14. С. 411.
  30. Новые казачьи поселения в Закубанском крае // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1864. Т. 6. Раздел «Смесь». С. 21-22.
  31. Кириллов П.О. К истории колонизации Закубанского края // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 76.
  32. См.: Апшеронская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 256- 259.
  33. Кубанский календарь на 1912 г. Екатеринодар, 1912. С. 214.
  34. Кламбоцкий Е. Белореченск. Краснодар, 1981. С. 17-22.
  35. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 394. Л. 211.
  36. Там же. Л. 12.
  37. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 187.
  38. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2 Д. 397. Л. 466; Д. 413. Л. 218; Д. 940. Л. 328.
  39. Там же. Д. 402. Л. 64.
  40. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1.Д. 618. Л. 4.
  41. Филькин А.Г. Страницы истории кубанского казачества: станица Гиагинская (к 140-летию основания, 1862-2002). М., 2002. С. 26.
  42. Кривунов П. Прусская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 142-143.
  43. Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 116.
  44. Покровский П. Тульская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 111.
  45. Хаустов Д. Ханская станица // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 8. С. 91.
  46. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области) / сост. священник Н.Т. Михайлов. М., 2008. С. 664.
  47. Там же. С.656.
  48. Бентковский И.В. Указ. соч. С. 77.
  49. Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис, 1883-1885. Т. 8, №2. С. 276.
  50. См.: Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873. С. 51-52.
  51. Бентковский И.В. Указ.соч. С. 78.
  52. См.: Основные административно-территориальные преобразования на Кубани. (1793-1985). Краснодар, 1986. С. 23.
  53. См.: Короленко П.П. К истории колонизации Закубанского края в 1865-1867 гг. Архивные документы, сообщенные П.П. Короленко. Ставрополь, 1906. С. 34-35.

References:

1. The documents collected by the Caucasian committee of study and publication of early texts (АКАК). Tiflis, 1884. V. 9. P. 399.

-
2. The military-strategic review of the Russian Empire. The Stavropol province. SPb., 1851. V. 16, P.1. P. 108.
  3. Orlov P. The instructions for a Kuban Cossack. Ekaterinodar, 1914. P. 26.
  4. Kolesnikov V.A. The line Cossacks in Zakubanje settlement (40s-60s of the XIX century) // The Kuban Cossacks: three centuries of the historical way: materials of the international scient.-pract. conference. Krasnodar, 1996. P. 114.
  5. The Russian state military-historical archives (RGVIA). F. VUA. D. 6380. Ll. 117 ob., 118.
  6. The state archives of Krasnodar territory (GAKK). F. 318. Op. 1. D. 135. L. 1.
  7. Ibidem. D. 157. Ll. 19, 20.
  8. Ibidem. D. 161. L. 23.
  9. Chekmenev S.A. Socio-economic development of Stavropol Territory and Kuban in the end of XVIII-first half of the XIX centuries. Pyatigorsk, 1967. P. 28.
  10. RGVIA. F. 14 257. Op. 3. D. 214. L. 15.
  11. Shcherbina F.A. The colonization of the Kuban area // The old times of Kiev. Kiev, 1883. V. 7, №12. P. 538.
  12. Stefanov T. The town of Eisk. The statistic and ethnographic description // The Kuban collection. Ekaterinodar, 1883. V. 1. P. 250.
  13. GAKK. F. 257. Op. 1. D. 30. L. 50.
  14. Ibidem. D. 29. L. 171.
  15. Bliznikov P. The stanitsa of Besleneevskaya of the Kuban area of Maikop district // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1888. Issue 6. P. 133.
  16. Shaposhnikov K. The village of Sevastopolskaya // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 111.
  17. Kobelyatsky V. The stanitsa of Samurskaya of the Kuban area of the Maikop district // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1888. Issue 6. P. 99.
  18. Bentkovsky I.V. The materials for the history of colonization of the North Caucasus. The settlement of the western foothills of the main Caucasian ridge / The Kuban collection. Ekaterinodar, 1883. V. 1. P. 76.
  19. Zasedateleva L.B. The Eastern Slavs in the North Caucasus in the middle of the XVI-beginning of the XX centuries (the dynamics of ethnocultural processes): Dissertation for the Doctor of History degree in the form of a scientific report. M., 1996. P. 70.
  20. Gozulov A.I. The economic geography of the North Caucasus. Rostov-on-Don, 1927. P. 22.
  21. RGVIA. F. 330. Op. 2. D. 5252. Ll. 2, 14.
  22. Shcherbina F.A. The Kuban Cossack army. 1696-1888. The collection of brief information of the army. Voronezh, 1888. P. 224.
  23. Beshenev N. The fiftieth anniversary of the Western Caucasus conquest and the end of the Caucasian war: the edition for armies, schools, people. Tiflis, 1914. P. 7.
  24. The land of the Adyghes / ed. by A.Kh. Sheudzhen. Maikop, 1996. P. 239.
  25. Sheudzhen E.A. The Adyghes (the Circassians) in the space of historical memory. M.; Maikop, 2010. P. 130-131.
  26. Fedoseeva L.D. The role of means of communication in the development of trade of Northwest Caucasus in the end of the XIX century // Information-analytical bulletin of ARIGI. Maikop, 2003. Issue 6-7. P. 172.
  27. AKAK. Tiflis, 1904. V. 12. P. 1005.
  28. Bentkovsky I.V. The settlement of the western foothills of the main Caucasian ridge // The Kuban collection. Ekaterinodar, 1883. V. 1. P. 75.
  29. Kiyashko I.I. The 2nd Tamansky, Adagumsky and Abinsky horse regiments of the Kuban Cossack army // The Kuban collection. Ekaterinodar, 1909. V. 14. P. 411.
  30. New Cossack settlements in Zakubansky Region // Notes of the Caucasian department of the Imperial Russian Geographical society. Tiflis, 1864. V. 6. Section «Mix». P. 21-22.
  31. Kirillov P.O. On the history of colonization of Zakubansky Region // The Kuban collection. Ekaterinodar, 1883. V. 1. P. 76.
  32. See: The village of Apsheronskaya // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 256 259.
  33. The Kuban calendar for 1912. Ekaterinodar, 1912. P. 214.
  34. Klambotsky E. Belorechensk. Krasnodar, 1981. P. 17-22.
  35. GAKK. F. 252. Op. 2. D. 394. L. 211.
  36. Ibidem. L. 12.

-
37. Shcherbina F.A. Mentioned work. P. 187.
  38. GAKK. F. 252. Op. 2. D. 397. L. 466; D. 413. L. 218; D. 940. L. 328.
  39. Ibidem. D. 402. L. 64.
  40. GAKK. F. 396. Op. 1. D. 618. L. 4.
  41. Filkin A.G. The pages of history of the Kuban Cossacks: the village of Giaginskaya (to the 140 anniversary of its foundation, 1862-2002). M., 2002. P. 26.
  42. Krivunov P. A Prussian village // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 142-143.
  43. Makedonov L.V. In the mountains of the Kuban region. The way of life and the economy of the inhabitants of the upland zone of the Kuban area. Voronezh, 1908. P. 116.
  44. Pokrovsky P. The village of Tuskaya // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 111.
  45. Khaustov D. The village of Khanskaya // The collection of materials for the description of districts and tribes of the Caucasus. Tiflis, 1889. Issue 8. P. 91.
  46. The historical review of Terek, Stavropol Territory and Kuban. A directory on the Stavropol diocese (the review of towns, villages, stanitsas and farms of the Stavropol province and the Kuban area) / comp. by the Priest N.T. Mikhailov. M., 2008. P. 664.
  47. Ibidem. P.656.
  48. Bentkovsky I.V. Mentioned work. P. 77.
  49. Felitsyn E.D. A short sketch of the settlement of the Kuban area // News of the Caucasian department of the Imperial Russian Geographical society. Tiflis, 1883-1885. V. 8, №2. P. 276.
  50. See: The memorable book of the Kuban area for 1874. Ekaterinodar, 1873. P. 51-52.
  51. Bentkovsky I.V. Mentioned work. P. 78.
  52. See: The basic administrative-territorial transformations in the Kuban area. (1793-1985). Krasnodar, 1986. P. 23.
  53. See: Korolenko On the history of colonization of Zakubansky Region in 1865-1867. The archival documents informed by P.P. Korolenko. Stavropol, 1906. P. 34-35.